

Вторая из описываемых здесь причин связана с сосредоточенностью исследований на описании разных аспектов когниции, что отражается в использовании специфической методологии для описания каждого из них и, как следствие, в получении разнохарактерных результатов. В пределах когнитивной лингвистики выделяется как минимум два течения, возникшие на базе разных традиций изучения семантики, – лингвокультурологическая концептология и лингвокогнитивные исследования.

Работы по когнитивной топонимике постсоветских топонимистов, как правило, разрабатывают идеи лингвокультурологической концептологии и характеризуются 1) изучением преимущественно когнитивной семантики имен на базе идей ономазиологии, этнолингвистики, лингвокультурологии и др. антропоцентрических направлений, ставших популярными на стыке веков; 2) выстраиванием в большинстве исследований лингвокультурных концептов и подчеркнутым отделением бытийного компонента, связанного с ориентационными и хозяйственными свойствами имен, от ценностного; 3) отсутствием интереса к когнитивной грамматике онимов; 4) зачастую номинальным (мода) интересом к заявленной проблематике.

Идеи западных языковедов в данной сфере имеют принципиально иную научную базу: лингвокогнитивные исследования исторически развивались в США как оппозиция генеративизму. Неудивительно, что к представлению ментальных репрезентаций индивидуальных объектов эти ученые чаще стремятся прийти через анализ грамматических или формальных показателей имен на основе современных теорий грамматики. Такая направленность исследований делает очевидными их отличия от подходов, описанных в предыдущем абзаце: 1) опора в большей степени на когнитивную грамматику; 2) выстраивание авторских моделей имени с учетом холистического статуса единиц номинации; 3) скорее вспомогательная роль когнитивной семантики при создании моделей топосистемы; 4) большой консерватизм в применении терминологии когнитивной лингвистики.

Таким образом, когнитивная топонимика обладает потенциалом для описания ментальных структур знания на материале географических имен. При этом противоречивость представлений о проприальной семантике и различия в традициях исследования плана содержания языковых знаков отражаются в незначительном внимании к ней со стороны топонимистов и отсутствии единой последовательной методологии когнитивной топонимики.

О. В. Марченко

СООТНОШЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ОТКАЗА ОТ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ЗАМЫСЛА И МОЛЧАНИЯ

Коммуникативная ситуация отказа от реализации коммуникативного замысла находится в неоднозначных взаимоотношениях с рядом смежных

явлений, таких как коммуникативные неудачи, недомолвки, запрет и захват коммуникативной инициативы собеседника и другие. Важное место в круге этих феноменов занимает молчание, поскольку в некоторых случаях отказ от реализации коммуникативного замысла (далее – ОКЗ) коррелирует с нулевым коммуникативным актом, т. е. молчанием.

Прежде всего необходимо отметить, что в ситуации диалогического общения решение об отказе может приниматься на разных этапах порождения речи, в связи с чем мы выделяем две разновидности ОКЗ – ОКЗ, представленные на предвербальном и вербальном этапах.

В рамках ОКЗ на предвербальном этапе, в свою очередь, целесообразно разграничивать два варианта. Первый вариант представлен в ситуациях, когда у говорящего уже сформирован коммуникативный замысел, есть образ, идея того, что бы он хотел сказать, но при этом еще не осуществлен выбор слов и не построена структура конечного высказывания:

*Однажды, во время разговора в садике у «Эльфа» Андрей особенно стал приставать, чтобы я рассказала ему о моих отношениях с сайгоновцами. Ну что-нибудь этакое. **Я и сама хотела было рассказать ему какую-то веселую историю.** Но осеклась, заметив странный интерес, после чего произошло нечто странное (Ю. И. Андреева «Многоточие сборки», Национальный корпус русского языка – НКРЯ).*

Второй вариант отличается наличием четкого представления о содержании высказывания и готовностью его вербальной формы:

*Она много говорила со мной о Москве, о Петербурге, о советском строе, глубоко ее разочаровавшем, но не обмолвилась ни одним словом о Есенине. **Я хотел было сказать, что есть что-то родственное между звуком Есенин и Сенной,** но сдержался и умолчал (Ю. П. Анненков «Дневник моих встреч», НКРЯ).*

Понятно, что обе эти разновидности ОКЗ в силу локализации на предвербальном этапе характеризуются отсутствием звучащей речи, или молчанием коммуниканта.

При этом важно отметить, что молчание далеко не всегда предполагает отказ от реализации замысла. Так, можно отметить как минимум два варианта молчания, которые не соотносятся с ОКЗ.

Во-первых, выделяется такой вид молчания, при котором участник диалога в принципе не знает, что сказать или как ответить. В таком случае коммуникант сохраняет молчание по причине отсутствия коммуникативного замысла, что не соответствует важнейшему признаку ОКЗ, а именно наличию сформированного замысла:

*Михаил Янович, почему телеграмму-молнию на Луговую вы вручили только через три часа? **Готлиф молчал. Не знал, что сказать** (В. М. Шапко «Синдром веселья Плуготаренко», НКРЯ).*

Во-вторых, молчание может выполнять определенную коммуникативную функцию и выступать в качестве нулевого речевого акта. В подобных

ситуациях адресант реализует свой замысел невербальным образом. Такой вид молчания и ОКЗ различаются по признаку реализации/нереализации замысла:

– *Думаю, да. Любовь была. – И все-таки: что он вам сказал на прощанье? – Я не помню, – но я угрожающе молчал, и после вечной паузы она сказала правду: – Что прощаемся не на всю жизнь* (А. Терехов «Каменный мост», НКРЯ) – в данном контексте коммуникант своим молчанием требует от собеседника ответа, что совершенно адекватно «прочитывается» адресатом.

Следовательно, данные виды молчания нельзя рассматривать в качестве обусловленных ОКЗ.

Однако необходимо подчеркнуть, что в ряде ситуаций ОКЗ, представленный на предвербальном этапе, реализуется посредством молчания, которое является следствием соответствующего решения. В таких случаях мы имеем дело с частным видом молчания, имеющим коммуникативный характер. Важной характеристикой такого молчания является то, что коммуникант имеет намерение совершить речевое действие, но после анализа текущей ситуации принимает решение отказаться от реализации сформированного замысла и, соответственно, не говорит ни слова:

– *Благодарю, – сказала она, выпустила вверх узкую струйку дыма и опять замерла. Казалось, в ней происходила какая-то борьба. Я хотел было сказать что-нибудь банальное, просто чтобы завязать разговор, но вовремя сдержался, вспомнив, чем это обычно кончалось* (В. Пелевин «Чапаев и пустота», НКРЯ).

Что же касается ОКЗ на вербальном этапе, то это явление наблюдается в тех ситуациях, когда говорящий принимает соответствующее решение уже в процессе вербализации замысла. Это значит, что коммуникант прекращает реализацию замысла, уже озвучив некоторую его часть (что не соотносится с молчанием):

– *Я вам даю слово, что как только... – начал было Дмитрий Алексеевич, но вспомнил профессора Бусько, его «не клянись»* (В. Дудинцев «Не хлебом единым», НКРЯ).

Таким образом, коммуникативная ситуация отказа от реализации коммуникативного замысла и феномен молчания коррелируют между собой следующим образом.

1. ОКЗ не подразумевает молчания – этот вариант соотношения рассматриваемых феноменов представлен в случаях, когда решение об отказе принимается на вербальном этапе порождения речи.

2. Молчание не предполагает ОКЗ – в частности, в контекстах, где молчание либо полноценно выполняет соответствующую коммуникативную функцию, либо у коммуниканта в принципе не сформулирован какой-либо коммуникативный замысел.

3. ОКЗ соответствует молчанию, что наблюдается в ситуациях, когда у адресанта полностью сформирован коммуникативный замысел, но он отказывается от его реализации на предвербальном этапе.